

УДК 903.2(510)“636/637”
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-69-86

Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне

В. И. Молодин, С. А. Комиссаров, А. Л. Нестеркина

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Впервые в оборот отечественной науки вводятся материалы эпохи бронзы из окрестностей оз. Лобнор (Синьцзян, КНР), хранящиеся в фондах Национального музея Республики Корея. Они получены в ходе работ экспедиции под общим руководством японского исследователя Отани Кодзуи. Составляют особый раздел знаменитой «коллекции Отани». Корейская часть этой коллекции полностью опубликована в 2016 г. Материалы эпохи бронзы образуют наиболее архаичный пласт коллекции. В эту группу входят 4 плетеные емкости, 3 деревянные антропоморфные личины-маски, 2 ритуальных шеста, 2 войлочных головных убора и кожаный ботинок. Анализ артефактов показал, что они имеют аналогии с эпонимным и наиболее известным памятником культуры Сяохэ на территории Синьцзяна – могильником Сяохэ у оз. Лобнор. Однако в древности на территории Синьцзяна существовали и другие комплексы, подобные Сяохэ (например, могильник Бэйфан на р. Керия). Орнаментальная композиция на поверхности плетеных емкостей демонстрирует подобие декору андроновских керамических сосудов, а иконография деревянных личин-масок близка к изображениям на стенах и плитах окуневской культуры Южной Сибири. Отдельные предметы андроновского и окуневского облика известны и на других памятниках Синьцзяна. Таким образом, ближайшей аналогией описанным предметам являются материалы культуры Сяохэ. Вопрос о памятнике, откуда происходят предметы описываемой коллекции, пока оставлен открытым, поскольку требует привлечения дополнительных данных.

Ключевые слова

Синьцзян, озеро Лобнор, Национальный музей Республики Корея, «коллекция Отани», культура Сяохэ, андроновская культура, окуневская культура

Для цитирования

Молодин В. И., Комиссаров С. А., Нестеркина А. Л. Материалы из окрестностей озера Лобнор в фондах Центрального национального музея Республики Корея и их осмысление в контексте современных археологических исследований в Синьцзяне // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 5: Археология и этнография. С. 69–86. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-69-86

Materials from the Vicinity of Lake Lop Nor in the Funds of the Central National Museum of Korea and Their Understanding in the Context of Contemporary Archaeological Studies in Xinjiang

V. I. Molodin, S. A. Komissarov, A. L. Nesterkina

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

*Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The article introduces and analyzes in detail the materials of the Bronze Age from the vicinity of Lake Lop Nor (Xinjiang, China), which are stored in the funds of the National Museum of Korea. The artifacts were obtained by the expedition to Xinjiang under the general guidance of the Japanese explorer and religious public figure, count Otani Kodzui. They are part of a special section of the famous “Otani Collection”. The Korean segment of this collection was completely described in the Republic of Korea in 2016, and now its analysis is presented in Russian for the first time. The materials of the Bronze Age constitute the most archaic part of the Xinjiang collection. This group includes 12 items: 4 woven baskets, 3 wooden masks with carvings of human faces, 2 ritual staves, 2 felt hats and one boot from a pair of leather footwear.

Results. Analysis of the artifacts demonstrates analogies with the eponymous and most famous site of Xiaohu culture on the territory of Xinjiang – the Xiaohu burial ground at Lake Lop Nor. However, there were other complexes like Xiaohu which existed in ancient Xinjiang (for example, Beifang burial ground on the Keriya River). The authors note that the ornamental composition on the surface of woven baskets demonstrates similarity to the decor of the Andronovo culture’s ceramic vessels, and the iconography of wooden carvings of human faces is close to the images on the steles and plates of the Okunevo culture of Southern Siberia. Separate objects similar to both Andronovo and Okunevo cultures are also known to have been found on other sites of Xinjiang.

Conclusion. The closest analogy to the described items from the funds of the National Museum of Korea is the Xiaohu culture materials. The question about the exact location of the site where the items of Xinjiang collection in Korea come from is still open. It requires additional research.

Keywords

Xinjiang, Lake Lop Nor, National Museum of Korea, “Otani Collection”, Xiaohu culture, Andronovo culture, Okunevo culture

For citation

Molodin V. I., Komissarov S. A., Nesterkina A. L. Materials from the Vicinity of Lake Lop Nor in the Funds of the Central National Museum of Korea and Their Understanding in the Context of Contemporary Archaeological Studies in Xinjiang. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 5: Archaeology and Ethnography, p. 69–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-5-69-86

Введение

Коллекция артефактов из окрестностей оз. Лобнор была получена в ходе двух крупных научных экспедиций в Синьцзян (1908–1909 и 1910–1914 гг.), организованных графом Отани Кодзуи (1876–1948) – 22-м настоятелем буддийского монастыря Ниси Хонгандзи, известным специалистом по буддийским канонам, а также крупным идеологом необходимости японской оккупации Китая и стран Азии. Во время этих работ обследовался целый ряд древних городищ Восточного Туркестана. В состав участников экспедиций входил молодой буддийский монах Татибана Дзуйтё (1890–1968). Именно под его руководством изучались окрестности оз. Лобнор, где была собрана богатая коллекция разнообразных древностей и предметов буддийского искусства. Добытые в ходе исследований материалы вошли в состав знаменитой «Коллекции Отани». После ухода в 1914 г. Отани Кодзуи с должности настоятеля монастыря большая часть коллекции, ранее там хранившаяся, была перевезена на его личную виллу в Нираку около г. Кобэ. В 1916 г. новый владелец виллы – Кухара Фусаносукэ (1869–1965), крупный промышленник и собственник концерна Сумитомо, передал эти материалы Тэраути Масатакэ, занимавшему на тот момент пост первого генерал-губернатора префектуры Чосон

(аннексированной Кореи. – В. М., С. К., А. Н.) [Комиссаров, Семенова, 2011. С. 19–20, 22–23; Galambos I., Kitsudō Kōichi, 2012]. Так, часть «Коллекции Отани» оказалась в Сеуле, который в то время носил название Кёнсон (яп. Кэйдзё). Предметы, полученные Тэраути Масатакэ, хранились в Японском правительственном музее префектуры Чосон, до 1945 г. в научной литературе именовавшемся Корейским национальным музеем. С 1945 по 1948 г. коллекция находилась под юрисдикцией Американской военной администрации в Корее. В 1948 г. в связи с созданием Центрального национального музея Республики Корея¹ она вошла в состав его фондов. В настоящий момент хранящаяся там часть собрания насчитывает 373 вещи, в числе которых имеются фрагменты фресок, черепицы, рукописных свитков, буддийской скульптуры, а также коллекция древних артефактов из окрестностей оз. Лобнор, состоящая из 16 предметов [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 22–23, 28].

В 2018 г. сотрудники ИАЭТ СО РАН В. И. Молодин и А. Л. Нестеркина при посещении Республики Корея благодаря любезному содействию директора Национального музея Кореи профессора Пэ Гидона и профессора Университета Кёнхи Кан Инука смогли ознакомиться с хранящейся здесь коллекцией находок из Синьцзяна, в частности с предметами, относящимися к эпохе бронзы. Представлению этого набора артефактов и его осмыслению в контексте новейших достижений в соответствующей области китайской археологии посвящается настоящая статья. Результаты такого анализа будут весьма актуальны в плане их дальнейшего использования для развития в наших странах представлений об особенностях историко-культурного развития древнего населения этого региона Центральной Азии.

Анализ материалов и обсуждение

В наиболее архаичную часть собрания (раздел, датируемый XVII–XV вв. до н. э.) вошли следующие предметы: плетеные емкости – 4 экз., деревянные антропоморфные личины-маски – 3 экз., ритуальные шесты – 2 экз., войлочные головные уборы – 2 экз., кожаная обувь – 1 экз. [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 29].

Впервые, но лишь частично, коллекция была опубликована японскими учеными в 1930 г. В 2016 г. благодаря усилиям наших корейских коллег, профессора Кан Инука и сотрудников Отдела археологии Центральной Азии Национального музея Кореи Ким Хевон и Ким Гону, коллекция была издана отдельными томами [Куннип чунан панмульгван..., 2016], став достоянием научной общественности. Однако тексты каталога написаны на корейском языке, что затрудняет их использование за пределами страны публикации.

Наше обращение к материалам, датируемым эпохой бронзы, продиктовано тем, что при проведении стационарных археологических раскопок в 1934 г., а также в 2002–2005 гг. в окрестностях оз. Лобнор в Синьцзяне на могильнике Сяохэ была обнаружена серия абсолютно аналогичных экспонируемым в Национальном музее Кореи предметов [Идилысы и др., 2007]. Однако связаны они именно с могильником Сяохэ или с так называемым Северным могильником (Бэйфан), находившемся в районе условной дельты р. Керия, на границе округов Хотан и Аксу [Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 220–225], который, несомненно, принадлежит к той же культуре, названной Сяохэ, однозначно сказать нельзя.

Окрестности оз. Лобнор в Синьцзяне неоднократно изучались еще с конца XIX в., в том числе экспедицией под руководством шведского путешественника и писателя Свена Гедина (Хедина) (1865–1952 гг.), в составе которой работал профессиональный археолог Фольке Бергман (1902–1946 гг.). Именно он в 1934 г. отыскал и исследовал «могильник № 5» в районе Сяохэ (который называли также «некрополь Эрдека» – по имени уйгурского проводника, впервые обнаружившего этот памятник более 20 лет назад) [Bergman, 1939. P. 61–89]. В начале XXI в. район оз. Лобнор обследовался экспедицией местных археологов под

¹ Официальное название музея на английском языке – National Museum of Korea. В дальнейшем изложении мы будем в основном использовать это название (в том числе в русском переводе – Национальный музей Кореи) как более удобное и закрепившееся в средствах массовой информации.

руководством Идриса Абдурасула (см.: [Цзяо Цзянь, 2005; Молодин, Комиссаров, 2016. С. 509–512]). Им удалось благодаря GPS-навигации точно определить местонахождение «могильника № 5» и продолжить работы, начатые шведской экспедицией; не было сомнений в том, что это относившийся к одному хронологическому периоду единый памятник, который получил общее название «могильник Сяохэ» [Maig, 2006].

Еще один объект – могильник Бэйфан, был исследован в 2008 г. синьцзянскими археологами под руководством Идриса Абдурасула. От могильника Сяохэ новый памятник находится на расстоянии 595 км по прямой, однако по всем характеристикам (и обряда, и инвентаря) он относится к единой с ним культуре; по мнению руководителя раскопок, второй могильник несколько моложе, чем первый [Чжан Инчунь, 2009. С. 74]. Любопытно, что осенью 2009 г. обследование памятника провела швейцарская экспедиция под руководством Кристофа Баумера, которая опубликовала его материалы как могильник Аяла Мазар [Baumer, 2011]². Поскольку миссия Баумера носила неофициальный характер, то ее участники не знали, что недавно там работал китайский отряд, и лишь позднее профессор Виктор Майер, сопоставив маршруты экспедиций, пришел к выводу, что речь шла об одном и том же памятнике [Maig, 2014]. Найденные там вещи (фетровые шапки, кожаная обувь) полностью аналогичны сеульской коллекции. В связи с этим вновь актуализировался вопрос о ее происхождении.

Как уже упоминалось, впервые она была частично опубликована японскими учеными в 1930 г., после чего Ф. Бергман, отметив полное сходство экспонатов с находками из «могильника № 5», предложил три возможных варианта их территориальной атрибуции. Первый – Татибана Дзуйтё мог купить эту коллекцию, собранную в районе оз. Лобнор, у амбана Чарклыка, но сам он не бывал на этом памятнике, и уйгурские проводники ничего не говорят о таком маршруте. Второй – вещи могли быть среди покупок, которые, по свидетельству М. А. Стейна, Татибана Дзуйтё сделал на памятнике Мердек-шахр, расположенном в нижнем течении Тарима. Третий – коллекцию передала в музей некая неизвестная нам японская экспедиция [Bergman, 1939. P. 89–90]. После полной публикации материалов из фонда музея стало ясно, что они, несомненно, происходят из собрания графа Отани; таким образом, третий вариант отпадает. Что касается второго варианта, то в статье С. Гедина, впервые описавшего Мердек-шахр, этот памятник представлен как развалины «старой китайской крепости» [Hedin, 1898. P. 257], т. е. отнесен к средневековью, но никак не к бронзовому веку. Поэтому следует остановиться на первом варианте – коллекция собрана где-то в районе Лобнора, не исключено даже, что на поверхности «могильника Эрдека»; но дать более точную привязку к местности, исходя из имеющихся данных, пока не представляется возможным.

Изучая находки, следует в первую очередь описать такие редкие для археологии вещи, как плетеные соломенные емкости, представленные в 4-х экз. (инв. № 4029-1, 4029-2, 4029-3, 4127). Размеры (высота / диаметр по венчику) сосудов следующие: 15,6 / 12,0 см (инв. № 4029-1), 26,7 / 24,0 см (инв. № 4029-2), 13,7 / 11,0 см (инв. № 4029-3), 14,5 / 11,3 см (инв. № 4127) (рис. 1).

Все емкости представляют собой круглодонные изделия, с уплощенным дном, со слабо профилированными стенками. Сплетены из стеблей травянистых растений (соломы?) в технике плетения «веревочкой». При изготовлении емкостей с наклонными стенками для создания эффекта расширяющейся сверху горловины в их верхней части добавлены дополнительные стебли основы. В верхней трети и придонной части сосудов также имеются дополнительные горизонтальные плетеные пояски. По-видимому, они представляют собой своеобразные «ребра жесткости»: у трех из четырех представленных в коллекции сосудов в верхнем горизонтальном пояске имеются отверстия с остатками веревочных ручек. Поверхность сосудов украшена орнаментом в виде горизонтальных линий, треугольников, «лесенки». Результаты рентгенографических и бинокулярных исследований показали, что орна-

² См. также: Лангер Ф. Караван в царство мертвых // Geo (эл. версия). 09.08.2011. URL: <http://www.geo.ru/puteshestviya/karavan-v-tsarstvo-mertvykh> (дата обращения 10.01.2019).

мент создавался путем вплетения дополнительных стеблей темно-коричневого цвета и подкрашивался минеральными красителями красно-коричневого, серого и черного цветов. На поверхности одного из сосудов (инв. № 4127) сохранились следы глиняной обмазки [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 56–64, 138–153].

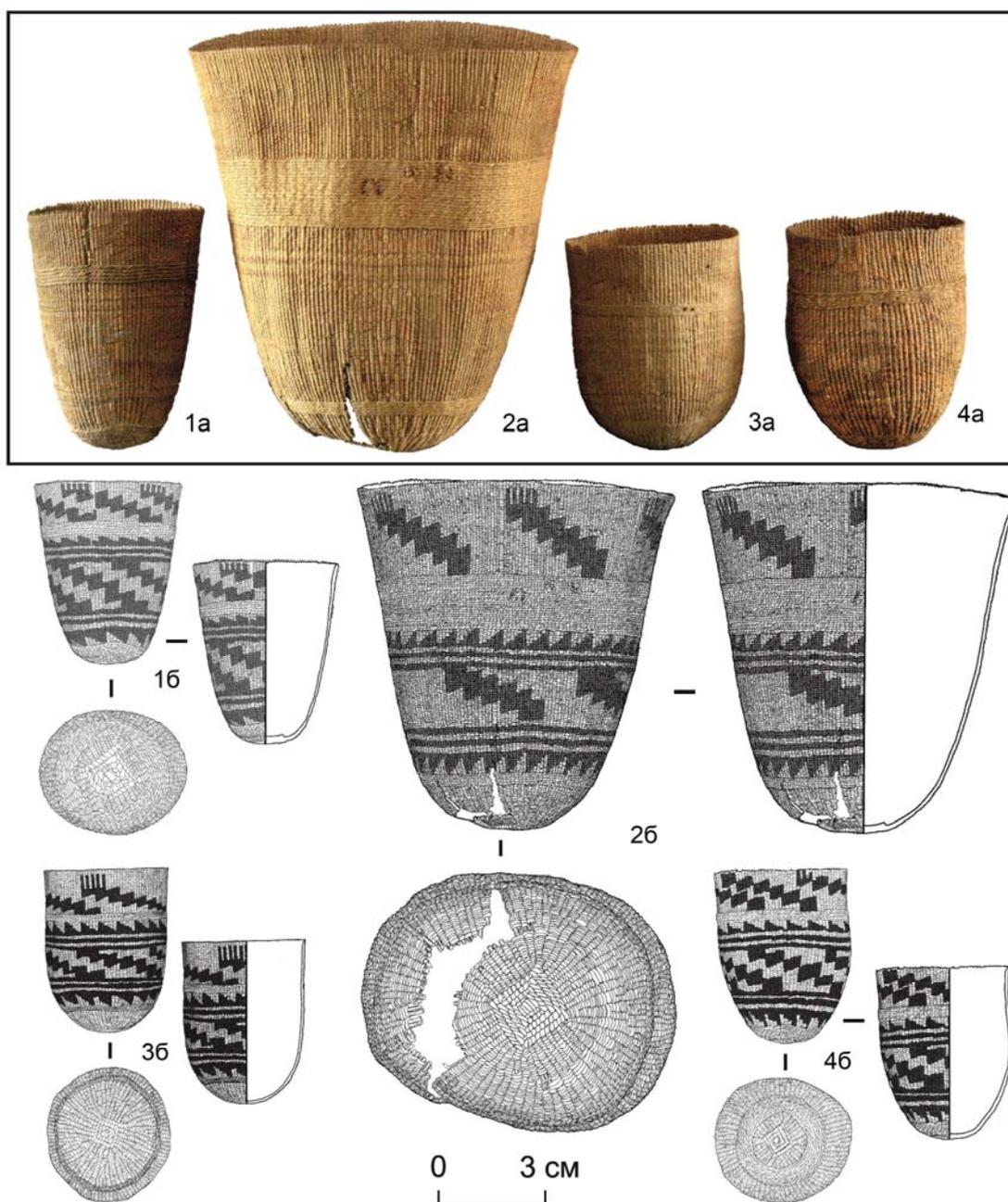

Рис. 1 (фото и прорисовки). Емкости, плетеные из стеблей травянистых растений, из коллекции Центрального национального музея Республики Корея: 1 а, б – инв. № 4029-1; 2 а, б – инв. № 4029-2; 3 а, б – инв. № 4029-3; 4 а, б – инв. № 4127 (по: [Куннип чунан панмульгван..., 2016])

Fig. 1 (photo and drawing). Woven baskets from collection of National Museum of Korea: 1 a, б – № 4029-1; 2 а, б – № 4029-2; 3 а, б – № 4029-3; 4 а, б – № 4127 (after: [Gukrip jungang bakmulgwan..., p. 2016])

На всех емкостях прослежено строгое и устойчивое композиционное построение, нуждающееся в специальном рассмотрении. Поверхность у них отчетливо делится на три орнаментальные зоны, отделенные друг от друга горизонтальными, довольно широкими полосами, нанесенными в верхней и нижней частях тулова. Если сравнивать эти емкости с глиняными сосудами, то такие зоны можно обозначить (сверху вниз) как венчик, шейка, тулово и придонная часть. Особенно наглядно подобная зональность представлена на посуде андроновской (федоровской) культуры эпохи развитой бронзы, типичной для более северных территорий Азии (см., например: [Кузьмина, 2008]). Такое изделие известно и в Синьцзяне [Kuzmina, 2007. Fig. 54, 22]. Андроновская (федоровская) посуда выглядит более нарядной, чем эти плетенки, к тому же имеет такой характерный элемент декора, как меандр. Однако схемы вполне поддаются сопоставлению. На это сходство декоративных схем орнаментации обратил внимание профессор Го У [2012].

Близкое сходство с андроновской керамикой демонстрирует придонная часть плетеных емкостей, украшенная цепочкой косых треугольников, направленных вершинами вниз. Остальные орнаментальные зоны на всех четырех емкостях украшены в принципе одинаково, с той лишь разницей, что при однотипной схеме нанесения узора сами орнаментальные элементы имеют некоторую индивидуальность. Но они, несомненно, идентичны.

Верхняя часть емкостей и тулово украшены косо поставленными рядами примыкающих друг к другу ромбов. Самый верхний ромб под краем венчика отмечен отходящими вертикально вверх полосками, в трех случаях пятью, в одном – тремя. На всех емкостях над верхними каннелюрами (горизонтальными разделительными полосами) выполнена цепочка косых треугольников, размещенных вершинами вверх, что также напоминает андроновскую орнаментальную композицию.

Наличие в погребальных комплексах андроновской культуры емкостей из органических веществ (дерева), несмотря на крайнюю редкость таких находок, демонстрирует тождество орнаментальной схемы [Максименков, 1978]. Это свидетельствует о том, что если бы до нас дошли андроновские изделия, сплетенные из травы или тростника, то они, несомненно, были бы чрезвычайно похожи на анализируемые синьцзянские.

В современных публикациях китайских коллег, а также в каталоге выставки, проходившей в Германии, мы обнаруживаем аналогичные емкости, найденные на могильниках Сяохэ (раскопки 2003 г.) и Бэйфан. Так, до полного тождества по форме и орнаменту емкостям из Национального музея Кореи доходят по крайней мере шесть плетеных сосудов из могильника Сяохэ [Идилисы и др., 2007. С. 9. Рис. 9; С. 17. Рис. 1; С. 25. Рис. 1, 7]. Это особенно видно при цветном воспроизведении данных емкостей [Синьцзян лиш... , 2009. С. 25]. Вместе с тем имеют место и более простые баночные формы, украшенные как очень близкими орнаментальными композициями [Синьцзян лиш... , 2009. С. 25; Ци Сяошань, Ван Бо, 2008. С. 24. Рис. 5], так и упрощенными [Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 150. Рис. 3; Идилисы и др., 2007. С. 44. Рис. 3]. Интересно, что почти все сосуды из могильника Сяохэ были закрыты своеобразными крышками из тканей или пучками шерсти. Отметим, что на данном могильнике найдены и более сложные емкости в виде плетеных корзин и деревянных плоскодонных контейнеров [Kreis Qarkilik..., 2007. P. 127. Fig. 25; P. 128. Fig. 26]. Кроме того, аналогичные плетеные изделия с несохранившимся орнаментом были обнаружены на могильнике Бэйфан [Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 222. Рис. 2].

Таким образом, можно констатировать, что своеобразные плетеные емкости, украшенные геометрической орнаментальной композицией, были характерны для погребальных комплексов периода развитой бронзы в Синьцзяне.

Деревянные антропоморфные личины-маски изучены в количестве 3 экз. (инв. № 4138-1, 4138-2, 4138-3). Размеры (высота / ширина): 8,8 / 5,6 см (инв. № 4138-1), 7,7 / 5,3 см (инв. № 4138-2), 7,6 / 4,9 см (инв. № 4138-3) (рис. 2).

Они представляют собой изделия подовальной в плане формы с вогнутой внешней и слегка выпуклой внутренней стороной. Две из них (инв. № 4138-1 и 4138-2) обтянуты тонкой ко-

жей, окрашенной красным и бордовым красителями. Третья не содержит кожного покрытия и, возможно, представляет собой заготовку или испорченное впоследствии изделие.

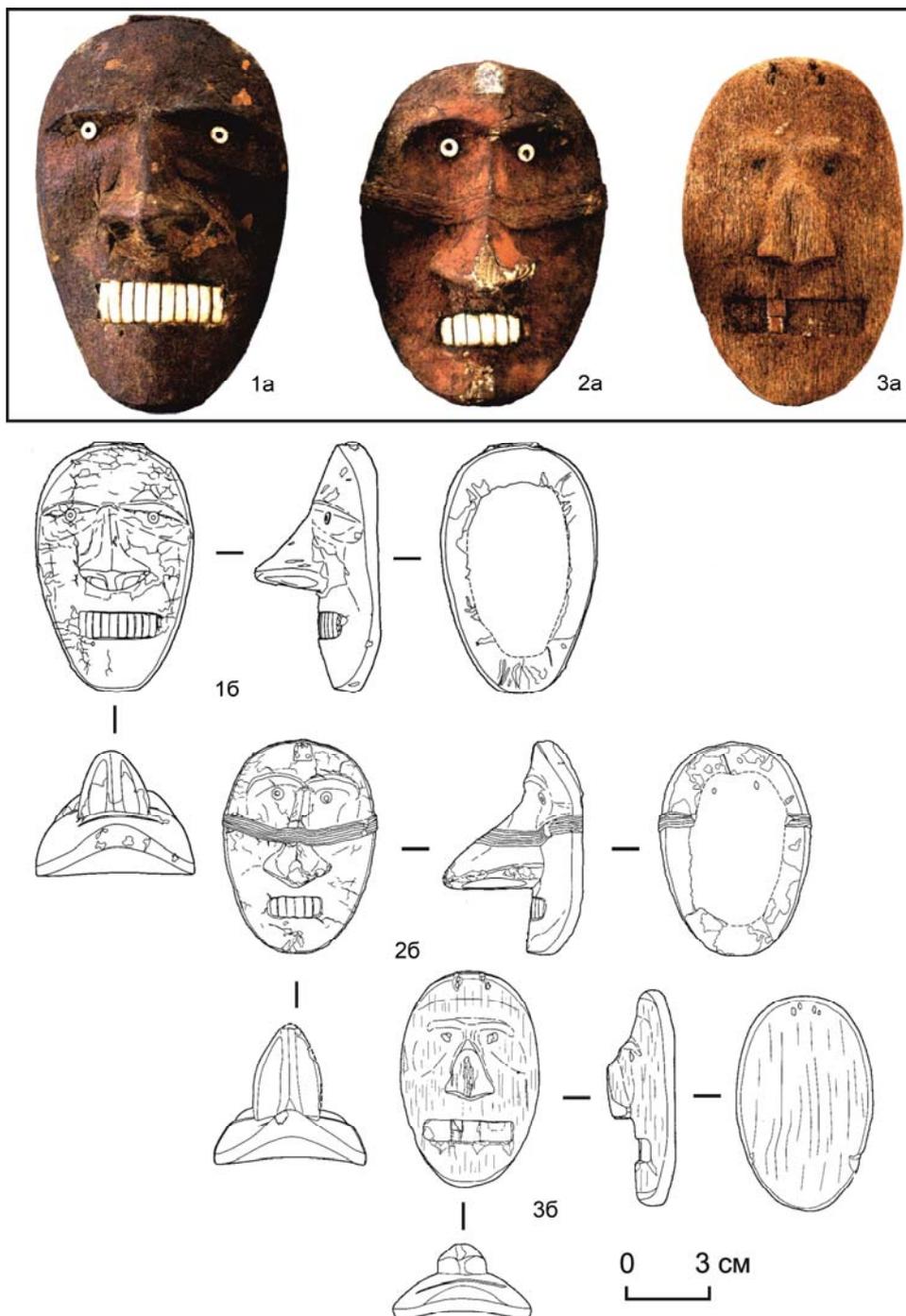

Рис. 2 (фото и прорисовки). Деревянные антропоморфные личины-маски из коллекции Центрального национального музея Республики Корея: 1 а, б – инв. № 4138-1; 2 а, б – инв. № 4138-2; 3 а, б – инв. № 4138-3 (по: [Куннип чунан панмульгван..., 2016])

Fig. 2 (photo and drawing). Wooden anthropomorphic masks from collection of National Museum of Korea: 1 а, б – № 4138-1; 2 а, б – № 4138-2; 3 а, б – № 4138-3 (after: [Gukrip jungang bakmulgwan..., 2016])

У личин-масок в гипертрофированной манере проработаны черты лица. Наиболее выразительно показаны огромные выступающие носы, широко раскрытые глаза и оскаленные рты. Радужные оболочки глаз и зубы выполнены из органического материала белесого цвета (кости животного) или перламутра. У предмета с инв. № 4138-2 выявлены два отверстия на тыльной стороне в верхней части и еще два на верхнем торце изделия. На маске с инв. № 4138-1 они не зафиксированы, однако в верхней части присутствовали фрагменты шерстяной нити красного цвета. На «заготовке» маски также были проделаны отверстия: на внешней стороне в верхней части – три, на внутренней стороне в верхней части – четыре, в нижней части слева – одна. Возможно, такие конструктивные детали, а также шерстяная нить на масках, предназначались для их крепления к основе или подвешивания.

Изделие с инв. № 4138-2 обладает некоторыми отличительными особенностями. Во-первых, на лбу и на подбородке маски имеются вставки из олова (оловянистой бронзы). Во-вторых, по средней линии предмета, через переносицу, проходит поясок из семи нитей [Куннипчунан панмульгван..., 2016. С. 65–73, 122–137]. Такие же полоски, вероятно, были на двух других масках, но не сохранились до нашего времени.

Как и охарактеризованные выше плетеные емкости, деревянные маски имеют абсолютные аналогии по крайней мере на одном памятнике культуры Сяохэ – могильнике Сяохэ в районе оз. Лобнор [Идилисы и др., 2007. С. 19. Рис. 1; С. 30; Ци Сяошань, Ван Бо, 2008. С. 24. Рис. 4; Синьцзян лиши..., 2009. С. 22; Kreis Qarkilik..., 2007. P. 114. Fig. 6]. Аналогичные личины хранятся в Музее Баян-Гол Монгольского автономного округа [Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 150. Рис. 2]. Дошедшие до нас данные показывают, что как минимум в одном случае публикации маски *in situ* [Kreis Qarkilik..., 2007. P. 109; Идилисы и др., 2007. С. 14] последняя лежала на левой стороне груди мумии, ближе к поясу (рис. 3, 1).

Все известные деревянные маски, обнаруженные на различных памятниках Синьцзяна (не менее десятка), демонстрируют сходную, если не сказать тождественную, иконографию. Прежде всего, они близки по размерам. Это небольшие деревянные односторонние предметы, не предназначенные для использования по прямому назначению, т. е. в качестве масок. Лица рельефны. Особенно подчеркнуты крупные, выступающие, объемно проработанные и явно утрированные носы. Рельефно выделены крупные зубы, оформленные перламутровыми, роговыми или костяными вставками. Аналогичными, только круглыми, вставками выполнены зрачки. Все маски принадлежали мужчинам и демонстрировали ярко выраженные европеоидные черты лица.

По-видимому, характеризуемые маски следует квалифицировать, во-первых, как мужские, во-вторых, как не предназначенные для ношения. Вероятно, они являлись своеобразными символами, изображающими предка или какого-то сверхъестественного персонажа, своего рода источника силы [О'Коннелл, Эйри, 2009. С. 29], соединяющей умершего с миром духов. Интересно, что дошедшие до нас антропоморфные изображения из камня в виде человеческих голов, которые мы находим, например, у носителей самусьской культуры Западной Сибири, по времени совпадающей с культурой Сяохэ, могли семантически исполнять те же функции [Матющенко, 2006. Рис. 2, 1, 3, 6, 8].

Иконографически близкие аналогии маскам культуры Сяохэ мы находим в материалах предшествующей по времени культуры Гумугоу в том же районе Синьцзяна [Молодин, Алкин, 2012; Ци Сяошань, Ван Бо, 2008. С. 22. Рис. 6], что, несомненно, свидетельствует о преемственности традиции.

Обращает на себя внимание еще одна деталь – как правило, хорошо сохранившаяся горизонтальная, выполненная из толстых шерстяных нитей обмотка поперек лица, проходящая прямо посередине, через нос. Очевидно, что эта обмотка не несет какой-либо функциональной нагрузки, однако чрезвычайно важна с точки зрения семантики. В качестве аналогий корректно привести иконографию масок на стелах и плитах окуневской культуры Минусинской котловины [Вадецкая, 1967; Leont'ev, Kapel'ko, 2002], хронологически близкой к культуре

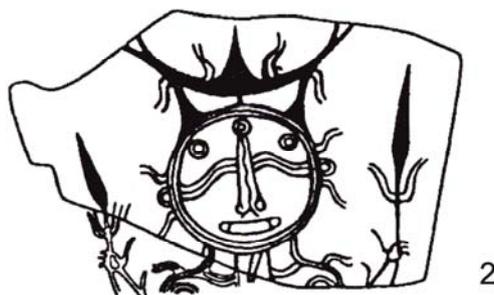

Рис. 3. Аналогии хранящимся в Корее антропоморфным личинам-маскам на сопредельных территориях: 1 (фото) – могильник Сяохэ, погребение с маской *in situ*; 2 – антропоморфное изображение на стеле окуневской культуры (1 – по: [Kreiss Qarkilik..., 2007]; 2 – по: [Леонтьев, 1997]; без масштаба)

Fig. 3. Analogies to the anthropomorphic masks stored in Korea from the neighboring territories: 1 (photo) – Xiaohé grave-yard, burial with mask *in situ*; 2 – anthropomorphic image on stele of Okunev culture (1 – after: [Kreiss Qarkilik..., 2007]; 2 – after: [Леонтьев, 1997]; without scale)

Сяохэ в Синьцзяне. На синхронность и семантическую близость деревянных масок культуры Сяохэ и обелисков окуневской культуры указывает и китайский археолог, профессор Го У [2012]. На окуневских личинах-масках также присутствуют горизонтально нанесенные полосы, по одной или несколько, которые проходят также через все лицо и нос персонажа (рис. 3, 2). Существуют попытки их семантического осмысления, и некоторые исследователи склонны усматривать в этих линиях прямое или косвенное отражение идеи тройственной структуры Вселенной [Кызласов, 1986. С. 199; 1987. С. 128; Подольский, 1987. С. 127; Леонтьев, 1997. С. 227. Рис. 13, 14]. Так это или нет – однозначно сказать сложно, однако то, что перед нами сходное проявление иррациональных идей, с нашей точки зрения, очевидно.

Ритуальные шесты изучены в 2 экз. (инв. № 4041-1, 4041-2). Размеры (высота / ширина) составляют 66,5 / 5,6 см (инв. № 4041-1) и 60,5 / 5,6 см (инв. № 4041-2) (рис. 4).

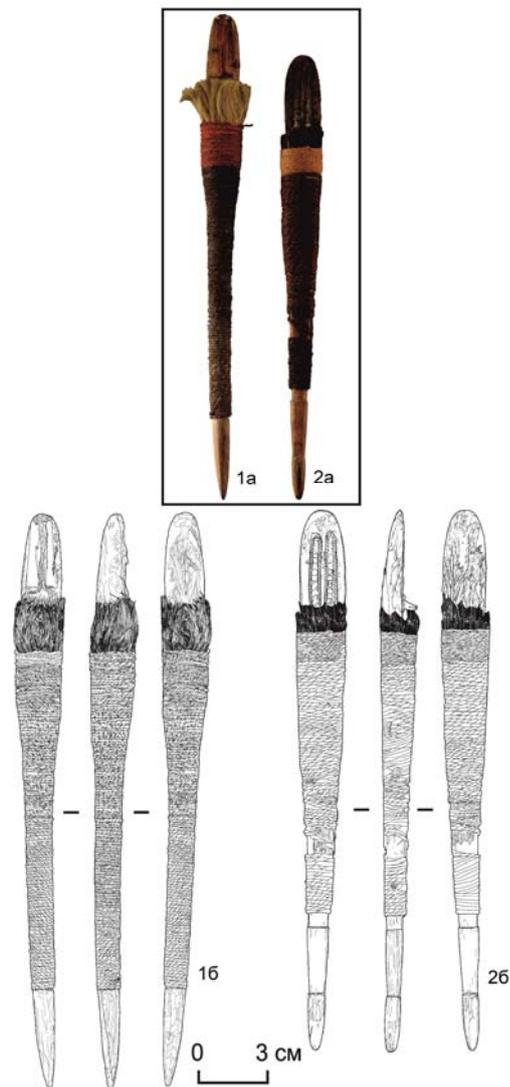

Рис. 4 (фото и прорисовки). Ритуальные шесты из коллекции Центрального национального музея Республики Корея: 1 а, б – инв. № 4041-1; 2 а, б – инв. № 4041-2 (по: [Куннип чунан панмультган..., 2016])

Fig. 4 (photo and drawing). Ritual staves from collection of National Museum of Korea: 1 а, б – № 4041-1; 2 а, б – № 4041-2 (after: [Gukrip jungang bakmul-gwan..., p. 2016])

Оба предмета имеют идентичную форму. Они изготовлены из расширяющихся кверху и постепенно сужающихся книзу цельных кусков древесины; их верхние части с одной стороны плоские, с другой выпуклые; на плоских присутствует пара продольных желобков. У предмета с инв. № 4041-1 желобки полые, между ними проложена двойная красная шерстяная нить. В желобках у другого шеста (инв. № 4041-2) содержатся обложенные шерстяной нитью костяные вставки удлиненной формы с выступами в нижней части, напоминающими по форме нос личин-масок. Как показали результаты ИК-Фурье спектроскопии, костяные вставки были закреплены в желобках с помощью клея, сваренного из ингредиентов животного происхождения (костей, мяса и сухожилий крупного рогатого скота). Средние части шестов представляют собой сужающиеся книзу деревянные стержни, обмотанные темно-коричневой шерстяной нитью, с прикрепленным также шерстяной нитью оперением в верхней части. У шеста с инв. № 4041-1 желтоватое оперение зафиксировано красной нитью, у другого изделия (инв. № 4041-2) темно-коричневое оперение присоединено к стержню несколькими витками желтоватой нити. Оперение также крепилось с помощью аналогичного клеящего состава. Концы обоих шестов заострены и не содержат обмотки; соединение с остальной частью ступенчатое.

Абсолютно идентичные изделия обнаружены на могильниках Сяохэ [Идилисы и др., 2007. С. 29; Kreis Qarkilik..., 2007. P. 130. Fig. 32; Синьцзян лишн..., 2009. С. 25] и Бэйфан на р. Керия [Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 225. Рис. 3, 4].

По поводу предназначения таких предметов у исследователей нет единого мнения. В работе Отани Кодзуи «Новые записи о Западном крае» они названы «предметами вооружения». В настоящее время корейские ученые относят их к категории культовых предметов с антропоморфной символикой [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 74–81, 158–163]: вытянутая верхняя часть символизирует головной убор, а нижняя – лицо с массивным выступающим носом. Вместе с тем имеют место и иные трактовки данных предметов, но они пока не могут быть однозначно использованы. Вопросы происхождения и назначения ритуальных шестов, несомненно, заслуживают специального изучения.

Головные уборы представлены 2 экз. (инв. № 4030-1, 4030-2). Размеры (высота / диаметр) изделий составляют 29,0 / 24,0 см (инв. № 4030-1), 27,0 / 23,0 см (инв. № 4030-2) (рис. 5).

В коллекции присутствуют два различных по форме головных убора. Первый (инв. № 4030-1) – цилиндрический с закругленным верхом, изготовлен из светлого войлока (рис. 5, 1), толщина которого в различных частях варьируется. На поверхности предмета несколькими рядами пришиты красные и бурые шерстяные нити. К одной из них крепится фрагмент деревянной трубочки, служившей, как предполагается, основой для крепления дополнительных украшений, возможно, птичьих перьев; к нижнему краю пришиты завязки из светлых шерстяных нитей.

Второй колпак (инв. № 4030-2) имеет форму усеченного конуса, его верхняя часть также закруглена (рис. 5, 2). Изготовлен из бурого войлока различной толщины, посередине стянут несколькими рядами вшитых в войлок бурых шерстяных нитей. Здесь на фронтальной и затылочной частях головного убора зафиксированы небольшие (около 2 см) полоски, предположительно, остатки украшений из меха хорька или колонка [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 82–85, 154–158, 163].

Эти предметы также имеют абсолютные аналогии в материалах могильников культуры Сяохэ [Идилисы и др., 2007. С. 8. Рис. 1; С. 14; С. 15. Рис. 1; С. 24; С. 27. Рис. 1; С. 38. Рис. 1; С. 44, Рис. 1; Kreis Qarkilik..., 2007. P. 109, 131; Синьцзян лишн..., 2009. С. 25; Ци Сяошань, Ван Бо, 2016. С. 222. Рис. 1; С. 224. Рис. 2]. Следует лишь добавить, что они часто делались из белого войлока и были богаче украшены разноцветной веревочной обмоткой, а также птичьими перьями. Очевидно, это была наиболее практичная и удобная для скотоводов Синьцзяна в эпоху бронзы форма головного убора.

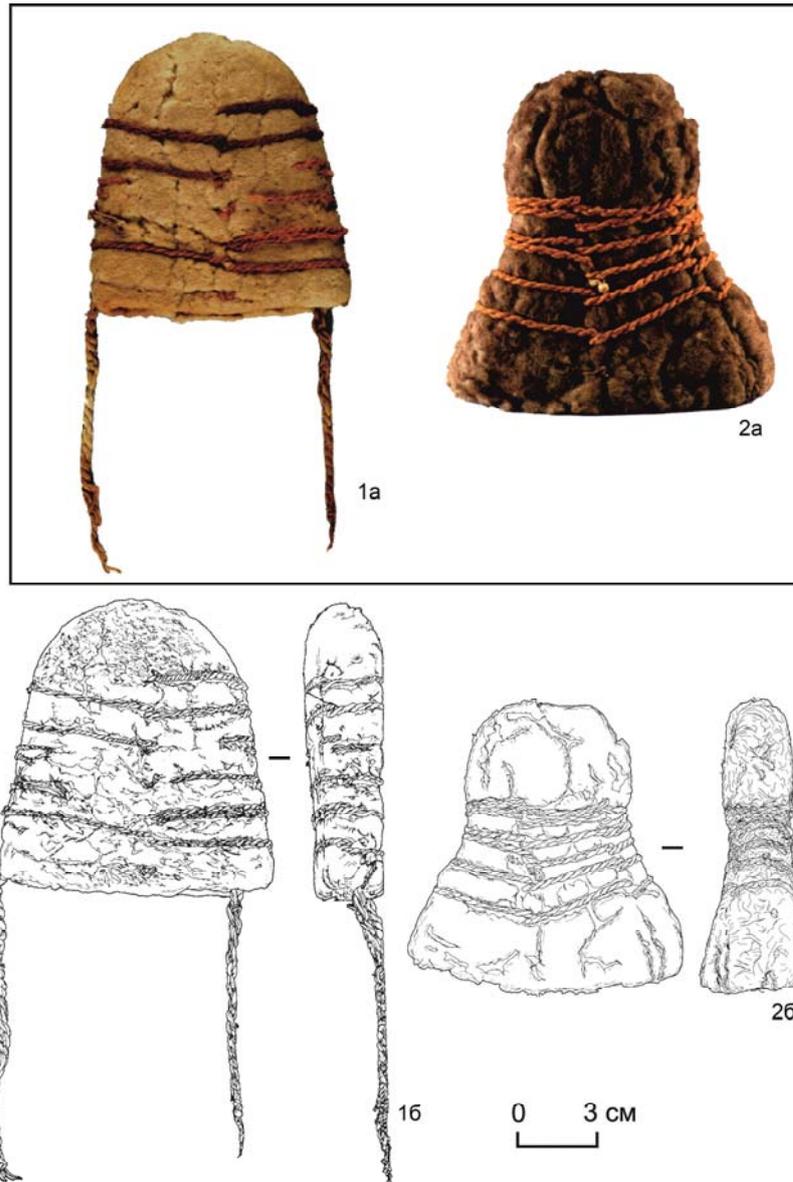

Рис. 5 (фото и прорисовки). Головные уборы из коллекции Центрального национального музея Республики Корея: 1 а, б – инв. № 4030-1; 2 а, б – инв. № 4030-2 (по: [Куннип чунан панмультган..., 2016])

Fig. 5 (photo and drawing). Felt hats from collection of National Museum of Korea: 1 а, б – № 4030-1; 2 а, б – № 4030-2 (after: [Gukrip jungang bakmulgwan..., 2016])

Кожаная обувь (ботинок) представлена в единственном экземпляре (инв. № 3993). Его высота составляла 13,6 см, длина подошвы – 21,5 см, ширина носка – 11,3 см, ширина пятки – 6,5 см (рис. 6). Голенище низкое; подошва, носок и пятка изготовлены из отдельных кусков желтоватой кожи и сшиты друг с другом бурой шерстяной нитью. На носке крепление не сохранилась, но хорошо видны отверстия, в которые оно было продето. На кожаной подошве и на внутренней стороне ботинка в нескольких местах присутствуют остатки шерсти. Носок разделен вдоль красной полосой шириной 2 см, длиной 14 см. В верхней прилегающей к голенищу части этой полосы, имеются отверстия, в которых сохранились фрагменты красной

шерстяной нити и белой субстанции, предположительно, остатков птичьих перьев, украшавших обувь. Здесь к ботинку также крепятся несколько шерстяных шнурков бурого цвета, концы которых распущены в виде кисточек [Куннип чунан панмульгван..., 2016. С. 86–88].

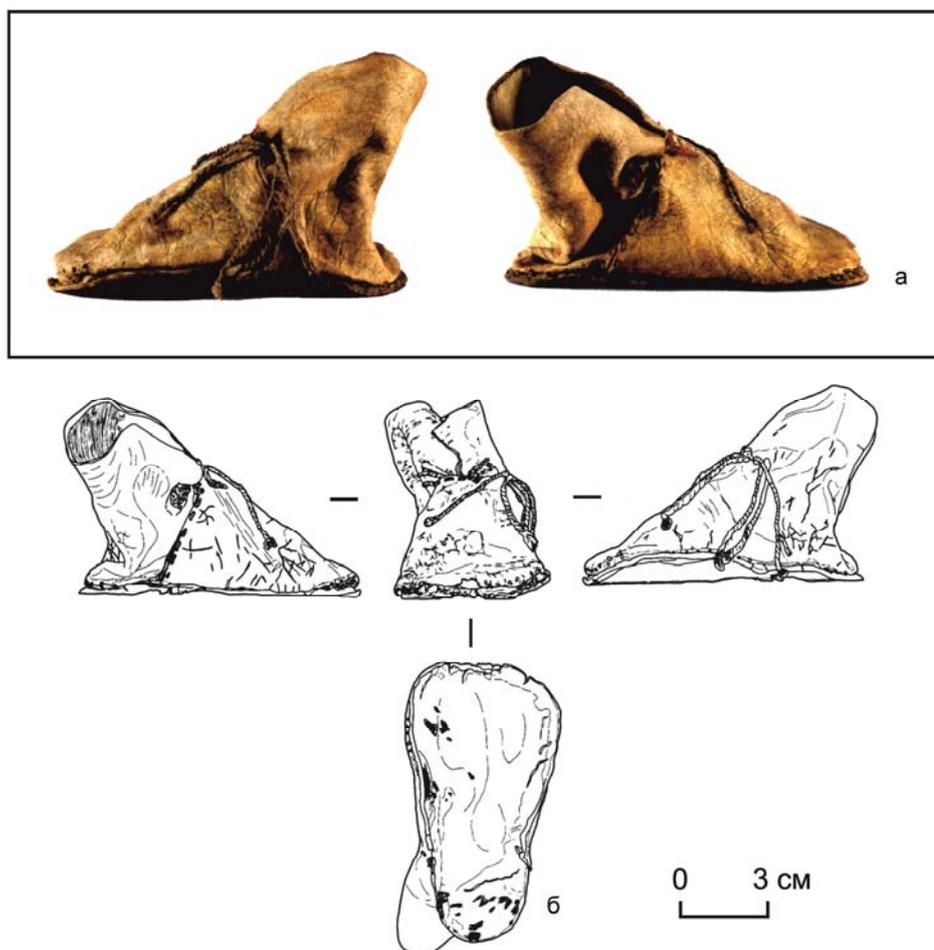

Рис. 6 (фото и прорисовки). Кожаная обувь № 3993 из коллекции Центрального национального музея Республики Корея (по: [Куннип чунан панмульгван..., 2016])

Fig. 6 (photo and drawing). One from the pair of leather shoes from collection of National Museum of Korea (after: [Gukrip jungang bakmulgwan..., 2016])

Обувь аналогичного кроя, выполненная из кожи, является типичной для культуры Сяохэ Синьцзяна [Идилисы и др., 2007. С. 14; С. 15. Рис. 2; С. 38. Рис. 2; С. 44. Рис. 2; Kreis Qarkilik..., 2007. P. 133. Fig. 35; Синьцзян лиши..., 2009. С. 23].

Заключение

Исходя из изложенных фактических сведений следует констатировать, что ближайшей аналогией изученной коллекции артефактов из органических материалов эпохи бронзы из окрестностей оз. Лобнор, полученной в начале XX в. японскими исследователями и хранящейся в настоящее время в Центральном национальном музее Республики Корея (Сеул), несомненно, являются материалы культуры Сяохэ, которые обнаружены и на могильнике Бэй-

фан. Это относится ко всем категориям находок – плетеным емкостям и их геометрическим орнаментальным композициям, деревянным антропоморфным личинам-маскам, шестам, головным уборам и обуви. Часть из них явно принадлежит к числу предметов ритуального назначения, характер использования которых пока не удается определить. К сожалению, и локализацию археологического памятника, из которого происходят эти предметы, в настоящее время невозможно точно установить без привлечения дополнительных материалов.

Список литературы

- Вадецкая Э. Б.** Древние идолы Енисея. Л.: Наука, 1967. 79 с.
- Комиссаров С. А., Семенова М. В.** «Коллекция Отани»: наследие японских экспедиций в Восточный Туркестан (Синьцзян) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, № 4: Востоковедение. С. 19–26.
- Кузьмина Е. Е.** Классификация и периодизация памятников андроновской культурной общности. Актобе: ПринтА, 2008. 358 с.
- Кызласов И. Л.** Лик Вселенной (к семантике древнейших изваяний Енисея) // Религиозные представления в первобытном обществе. М.: ИНИОН АН СССР, 1987. С. 127–130.
- Кызласов Л. Р.** Древнейшая Хакасия. М.: МГУ, 1986. 294 с.
- Леонтьев Н. В.** Стела с реки Аскиз (образ мужского божества в окуневском изобразительном искусстве) // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб.: Петро-РИФ, 1997. С. 222–236.
- Максименков Г. А.** Андроновская культура на Енисее. Л.: Наука, 1978. 190 с.
- Матющенко В. И.** О северо-западных границах самусьско-окуневской общности // Окуневский сборник 2: Культура и ее окружение. СПб.: Герм. археол. ин-т; СПбГУ, 2006. С. 312–321.
- Молодин В. И., Алкин С. В.** Памятники афанасьевского времени на северо-западе Китая (Синьцзян) // Афанасьевский сборник 2. Барнаул: АлтГУ, 2012. С. 149–154.
- Молодин В. И., Комиссаров С. А.** Культура сяохэ // История Китая с древнейших времен до начала XXI века. М.: Вост. лит., 2016. Т. 1: Древнейшая и древняя история (по археологическим данным): От палеолита до V в. до н. э. С. 509–512.
- О’Коннел М., Эйри Р.** Знаки и символы: иллюстрированная энциклопедия / Пер. с англ. И. Крупичевой. М.: Эксмо, 2007. 255 с.
- Подольский М. Л.** Окуневские изваяния и оленные камни // Скифо-сибирский мир: искусство и идеология. Новосибирск: Наука, 1987. С. 127–132.
- Baumer Ch.** The Ayala Mazar – Xiaohu Culture: New Archaeological Discoveries in the Taklamakan Desert, China. *Asian Affairs*, 2011, vol. 52, no. 1, p. 49–69.
- Bergman F.** Archaeological Research in Sinkiang. Stockholm, Bokforlags Aktiebolaget Thule, 1939, 258 p.
- Galambos I., Kitsudō Koichi.** Japanese Exploration of Central Asia: The Ōtani Expeditions and Their British Connections. *Bulletin of SOAS*, 2012, vol. 75, iss. 1, p. 113–134.
- Hedin S.** Four Years’ Travel in Central Asia. *The Geographical Journal*, 1898, vol. 11, no. 3, p. 240–258.
- Kreis Qarkilik, Xiaohu, Lop Nur Zhen. Ursprünge der Seidenstraße: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Hrsg. A. Wiczorek, C. Lind. Mannheim, Reiss-Engelhorn Museum, 2007, S. 106–133.
- Kuzmina E. E.** The Origin of the Indo-Iranians. Leiden, Boston, Brill, 2007, 763 p.
- Leontyev N. V., Kapelko V. F.** Steinstelen der Okunev Kultur. Berlin, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2002, 110 S. + 120 tab. (Archäologie in Eurasien: Band 13).
- Mair V. H.** The Rediscovery and Complete Excavation of Ördek’s Necropolis. *Journal of Indo-European Studies*, 2006, vol. 34, no. 3, p. 273–318.

- Mair V. H.** The Northern Cemetery: Epigone or Progenitor of Small River Cemetery No. 5. In: Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2014, p. 23–32.
- Го У.** Синьцзян шицянь ваньци шэхуйдэ каогусюэ яньцзю [郭物。新疆史前晚期社会的考古学研究]. Археологическое изучение социума позднего доисторического периода в Синьцзяне. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2012. 549 с. (на кит. яз.)
- Идилисы, Ли Вэньин, Ху Синцзюнь.** Синьцзян лобупо сяохэ муди 2003 нянь фацзюэ баогао [伊弟利斯、李文瑛、胡兴军。新疆罗布泊小河墓地2003年发掘简报 // 新疆文物]. Краткий отчет о раскопках могильника Сяохэ в районе Лобнора в 2003 г. // Синьцзян вэньу (г. Урумчи). 2007. № 1. С. 1–54. (на кит. яз.)
- Куннип чунан панмульгван соджан Лобнор, Нуран чхультхопхум** [국립중앙박물관 소장 로프노르, 누란 출토품]. Археологические находки из окрестностей оз. Лобнор и городища Лоулань в фондах Национального музея Республики Корея. Сеул: Нац. музей Республики Корея, 2016. 178 с. (на кор. яз.)
- Синьцзян лиши вэньмин цзицуй / Юэ Фэн чжубянь** [新疆历史文明集粹 / 岳峰主编]. Сокровищница исторической цивилизации Синьцзян. Урумчи: Синьцзян мэйшу шэин чубаньшэ, 2009. 335 с. (на кит. яз.)
- Цзяо Цзянь, Лю Юйшэн.** Идилисы: ивэй лишидэ чжуйвэньчжэ [矫健、刘玉生。伊弟利斯：一位历史的追问者 // 帕米尔]. Идрис – тот, кто раскрывает загадки истории // Памир. 2005. № 1. С. 24–27.
- Ци Сяошань, Ван Бо.** Сычоучжи лу: синьцзян гудай вэньхуа [祁小山、王博。丝绸之路：新疆古代文化] = Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road (Шёлковый путь: Древние культуры Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2008. 304 с. (на кит. яз.)
- Ци Сяошань, Ван Бо.** Сычоу чжи лу: синьцзян гудай вэньхуа (сюй) [祁小山、王博。丝绸之路：新疆古代文化(续)] = Qi Xiaoshan, Wang Bo. The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road: continued. (Шёлковый путь: Древние культуры Синьцзяна: продолжение). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2016. 431 с. (на кит. яз.)
- Чжан Инчунь.** Бэйфан муди: майцзан цзай дамо фудидэ цянью чжи ми [张迎春。北方墓地:埋藏在大漠腹地的千古之谜 // 新疆人文地理]. (Кладбище Бэйфан: Тайна тысяч древних реликвий, погребенных во глубине Великой пустыни // Синьцзян жэньвэнь дили), 2009. № 3. С. 68–75. (на кит. яз.)

References

- Vadetskaya E. B.** Drevnie idoly Eniseya [Ancient Idols of the Yenisei River]. Leningrad, Nauka, 1967, 79 p. (in Russ.)
- Komissarov S. A., Semenova M. V.** “Kollektsiya Otani”: nasledie yaponskikh ekspeditsii v Vostochnyi Turkestan (Sin'tszyan) [“The Otani Collection”: Heritage of Japanese Expeditions to Eastern Turkestan (Xinjiang)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2011, vol. 10, no. 4: Oriental Studies, p. 19–26. (in Russ.)
- Kuzmina E. E.** Klassifikatsiya i periodizatsiya pamyatnikov andronovskoi kul'turnoi obshhnosti [Classification and Periodization of the Monuments of the Andronovo Cultural Community]. Aktobe, PrintA Publ., 2008, 358 p. (in Russ.)
- Kyzlasov I. L.** Lik Vselennoi (k semantike drevneishikh izvayaniy Eniseya) [A Face of the Universe (on Semantics of Most Ancient Sculptures of the Yenisei River)]. In: *Religioznye predstavleniya v pervobytnom obshhestve* [Religious Conceptions in Prehistoric Society]. Moscow, ISSS AS USSR Publ., 1987, p. 127–130. (in Russ.)

- Kyzlasov L. R.** Drevneishaya Khakasiya [Ancient Khakassia]. Moscow, MSU Publ., 1986, 294 p. (in Russ.)
- Leontiev N. V.** Stela s reki Askiz (obraz muzhskogo bozhestva v okunevskom izobrazitel'nom iskusstve) [A Stele from the Askiz River (and Image of a Male Deity in the Okunevo Culture's Fine Art)]. In: Okunevskii sbornik: Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya [Collection of Papers on the Okunevo Culture: Culture. Arts. Anthropology]. St. Petersburg, Petro-RIF Publ., 1997, p. 222–236. (in Russ.)
- Maksimenkov G. A.** Andronovskaya kul'tura na Enisee [The Andronovo Culture on the Yenisei River]. Leningrad, Nauka, 1978, 190 p. (in Russ.)
- Matyushhenko V. I.** O severo-zapadnykh granitsakh samus'sko-okunevskoi obshhnosti [On the Samus'-Okunevo Community's North-Western Borders]. In: Okunevskii sbornik 2: Kul'tura i ee okruzenie [Collection of Papers on the Okunevo Culture 2: Culture and Its Environment]. St. Petersburg, Deutsches Archäologisches Institut, St. Petersburg State University Publ., 2006, p. 312–321. (in Russ.)
- Molodin V. I., Alkin S. V.** Pamyatniki afanas'evskogo vremeni na severo-zapade Kitaya (Sin'ts-zyan) [Sites of the Afans'evko Epoch at North-Western China]. In: Afanas'evskii sbornik 2 [Collection of Papers on the Afans'evko Culture 2]. Barnaul, Altai State Uni. Publ., 2012, p. 149–154 (in Russ.)
- Molodin V. I., Komissarov S. A.** Kul'tura syaokhe [Xiaohe Culture]. In: Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka [Chinese History from the Ancient Times up to the Beginning of the 21st century]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2016, vol. 1: Ancient and Most Ancient History (according to archaeological data): From Paleolithic to the 5th century BC, p. 509–512. (in Russ.)
- O'Connel M., Airay R.** Znaki i simvoly: illyustrirovannaya entsiklopediya [Signs and Symbols: Illustrated Encyclopedia]. Transl. from Engl. by I. Krupicheva Moscow, Eksmo Publ., 2007, 255 p. (in Russ.)
- Podolskii M. L.** Okunevskie izvayaniya i olennye kamni [The Okunevo Culture Sculptures and Stag Stones]. In: Skifo-sibirskii mir: iskusstvo i ideologiya [Scythian-Siberian World: Art and Ideology]. Novosibirsk, Nauka, 1987, p. 127–132. (in Russ.)
- Baumer Ch.** The Ayala Mazar – Xiaohe Culture: New Archaeological Discoveries in the Taklamakan Desert, China. *Asian Affairs*, 2011, vol. 52, no. 1, p. 49–69.
- Bergman F.** Archaeological Research in Sinkiang. Stockholm, Bokforlags Aktiebolaget Thule, 1939, 258 p.
- Galambos I., Kitsudō Kōichi.** Japanese Exploration of Central Asia: The Ōtani Expeditions and Their British Connections. *Bulletin of SOAS*, 2012, vol. 75, iss. 1, p. 113–134.
- Hedin S.** Four Years' Travel in Central Asia. *The Geographical Journal*, 1898, vol. 11, no. 3, p. 240–258.
- Kreis Qarkilik, Xiaohe, Lop Nur Zhen. Ursprünge der Seidenstraße: Sensationelle Neufunde aus Xinjiang, China. Hrsg. A. Wiczorek, C. Lind. Mannheim, Reiss-Engelhorn Museum, 2007, S. 106–133.
- Kuzmina E. E.** The Origin of the Indo-Iranians. Leiden, Boston, Brill, 2007, 763 p.
- Leontyev N. V., Kapelko V. F.** Steinstelen der Okunev Kultur. Berlin, Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung, 2002, 110 S. + 120 tab. (Archäologie in Eurasien: Band 13).
- Mair V. H.** The Rediscovery and Complete Excavation of Ördek's Necropolis. *Journal of Indo-European Studies*, 2006, vol. 34, no. 3, p. 273–318.
- Mair V. H.** The Northern Cemetery: Epigone or Progenitor of Small River Cemetery No. 5. In: Reconfiguring the Silk Road: New Research on East-West Exchange in Antiquity. Philadelphia, University of Pennsylvania Press, 2014, p. 23–32.
- Guo Wu.** Xinjiang shiqian wanqi shehuide kaoguxue yanjiu [郭物. 新疆史前晚期社会的考古学研究]. Archaeological research on the societies of the late prehistoric Xinjiang]. Shanghai, Shanghai guji chubanshe, 2012, 549 p. (in Chin.)

- Idilisi, Li Wenyi, Hu Xingjun.** Xinjiang luobupo xiaohe mudi 2003 nian fajue baogao [伊弟利斯、李文瑛、胡兴军。新疆罗布泊小河墓地2003年发掘简报 // 新疆文物]. Brief report on excavations of the Xiaohe burial-ground in the region of Lopnor in 2003. *Xinjiang wenwu* [Cultural relics of Xinjiang], 2007, No. 1, p. 1–54 (in Chin.)
- Gukrip jungang bakmulgwan sojang Ropeunoreu, Nuran chultopum [국립중앙박물관 소장 로프노르, 누란 출토품]. Lop Nor and Loulan artifacts in the National Museum of Korea. Seoul, National Museum of Korea, 2016. 178 p. (in Kor.)
- Xinjiang lishi wenming jizui / Yue Feng zhubian [新疆历史文明集粹 / 岳峰主编]. A treasury of Xinjiang historical civilization. Ed. by Yue Feng. Urumchi, Xinjiang meishu shying chubanshe, 2009, 335 p. (in Chin.)
- Jiao Jian, Liu Yusheng.** Yidilisi: yiwei lishide zhuiwenzhe [矫健、刘玉生。伊弟利斯：一位历史的追问者 // 帕米尔]. Idris: a man who solves historical riddles. *Pamier* [Памир], 2005, no. 1, p. 24–27. (in Chin.)
- Qi Xiaoshan, Wang Bo.** Sichou zhi lu: xinjiang gudai wenhua [祁小山、王博。丝绸之路：新疆古代文化]. = The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road. Urumchi, Xinjiang renmin chubanshe, 2008, 304 p. (in Chin.)
- Qi Xiaoshan, Wang Bo.** Sichou zhi lu: xinjiang gudai wenhua (xu) [祁小山、王博。丝绸之路：新疆古代文化(续)] = The Ancient Culture in Xinjiang along the Silk Road: continued. Urumchi, Xinjiang renmin chubanshe, 2016, 431 p. (in Chin.)
- Zhang Yingchun.** Beifang mudi: maizang zai damo fudide qiangu zhi mi [张迎春。北方墓地：埋藏在大漠腹地的千古之谜 // 新疆人文地理]. Beifang cemetery: Mystery of thousands of ancient relics buried in the depth of the Great desert. *Xinjiang renwen dili* [Historical geography of Xinjiang], 2009, no. 3, p. 68–75. (in Chin.)

Материал поступил в редколлегию
Received
24.12.2018

Сведения об авторах

Молодин Вячеслав Иванович, академик РАН, заведующий отделом археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), профессор Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
Molodin@archaeology.nsc.ru

Комиссаров Сергей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), доцент кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
sergai@mail.ru

Нестеркина Анастасия Леонидовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия), преподаватель Новосибирского государственного университета (ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия)
a.l.subbotina@yandex.ru

Information about the Authors

Viacheslav I. Molodin, Academician of RAS, Doctor of Historical Sciences, Head of the Paleometal Archaeology Department at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation), Professor of Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
Molodin@archaeology.nsc.ru

Sergey A. Komissarov, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); associated professor of the Department of Oriental Studies at Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
sergai@mail.ru

Anastasiya L. Nesterkina, Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation); Lecturer of the Novosibirsk State University (1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
a.l.subbotina@yandex.ru